

[Смех и горе]

Дело было в старые времена, при Николае Первом. Железных дорог еще не было, и новобранцам приходилось трудно — на место назначения нужно было являться по способу пешего хождения.

Крестьянин Рязанской губернии Спасского уезда Козодаевской волости, деревни Окомёловки, Василий Иванович Курилов, попал на службу в Петербург. Служба солдатская, ружейные приемы и особенно словесность ему совсем не давалась. Много попадало ему в ус да в рыло от взводных.

Видит Курилов, что служба тяжела и что другие молодые солдаты берут медицинское свидетельство и уходят на год домой на поправку, задумал и он также сходить на поправку домой. Приходит к доктору: «Так и так». — Тот повернул его, ударил по спине и говорит: «Здоров, детина, совсем! Иди служи!»

Наступил государский военный смотр. Курилову, как и всем солдатам, выдали первосрочную (первосортную) амуницию, подучили ружейным приемам. Приехал государь император, поздоровался с войсками; пропустил мимо себя войска церемониальным маршем: «Спасибо, братцы!»

Потом поротно стал опрашивать допрос претензий: «Не имеет ли кто-нибудь из вас претензии?» — Курилов первый выискался в своей роте: «Я имею претензию, Ваше Императорское Величество!» — «Какую?» — «Отпустите меня на год домой на поправку: отец и мать у меня старые и больные».

Государь был в веселом расположении духа. — «А что ты мне привезешь оттуда?» — «А привезу я смех и горе, Ваше Императорское Величество!» — «Ну, хорошо, отпускаю; только привези мне смех и горе!» — И государь записал о том в свою памятную книжку.

Кончился смотр. С Курилова сняли новую амуницию, выдали ему рваные шароваришки и заплатную шинель, старые казенные сапоги, и дали годовичное отпускное свидетельство с правом на год на родину.

А Курилов незадолго перед тем нашел на улице пустой купеческий портмоне. Положил он в него свидетельство, десятикопеечную азбуку и

три двугривенных — все, что у него было; да еще в грязный мешок накла три фунта черных солдатских сухарей — и пошел пешечком в Рязанскую губернию, в Спасский уезд, в деревню Окомёловку.

Приходит он в город Владимир; спрашивает городского: «Где здесь хорошие номера для проезжающих?» — Городовой показывает ему. Приходит туда Курилов: «Есть свободные номера?» — «Точно так!» — «Сколько стоит?» — «Два рубли в сутки». — Курилов взял номер, заказал ужин в полтора рубля и полбутылки коньяку. — А в кармане у него всего навсего три несчастных двугривенных.

Хозяин спрашивает его: «Кто вы будете? Нам надо записать вас на меловую доску». — «Я генерал-майор из Сан-города-Петербурга, Василий Иванович Курилов». — Хозяин посмотрел на его рваную солдатскую шинелишку, но ничего не сказал: только бы получить деньги.

Немного погодя в те же номера приезжает на тройке своих лошадей с кучером генерал-лейтенант из города Москвы. Берет номер и спрашивает хозяина гостиницы: «Нет ли у вас кого-нибудь из военных? Скучно мне одному в городе». — «Есть, Ваше Превосходительство, генерал-майор из Сан-города-Петербурга, Василий Иванович Курилов». — «Пришлите его ко мне!»

Хозяин гостиницы идет в номер к Курилову, а тот лежит на койке, азбуку свою разбирает. — «Так и так, Ваше Превосходительство! Приехал генерал-лейтенант из города Москвы, просит вас к себе в номер переночевать». — «Позовите его сюда!» — Приходит генерал-лейтенант, рекомендует: «Я такой-то генерал...» «А я, — отвечает Курилов, — такой-то генерал». — Лейтенант первым делом заказывает бутылку коньяку и отличный ужин.

Выпили и закусили. Лейтенант предлагает поиграть в карты на деньги. Курилов сперва отказывался, но потом согласился. Играют. Генерал-лейтенант наиграл на Курилова 50 рублей и просит деньги. — «Давай играть на сотню!» — Стали играть еще. Курилову повезло. Отыграл от генерал-лейтенанта свои 50 рублей и наиграл на него еще 20 тысяч.

У генерал-лейтенанта нет больше наличных денег, а отыгаться хочется. — «Ставлю за 500 рублей своих лошадей с кучером и экипажем!» — Курилов: «Надо посмотреть лошадей». — Посмотрели: все блестит, а толку никакого в лошадях Курилов не знает. Согласились. Играют. Курилову опять повезло: отыграл у генерал-лейтенанта его лошадей и экипаж.

У генерала одна надежда — на свою одежду. Снимает генерал лейтенант с себя генеральскую фуражку, эполеты, мундир, шаровары с лампасами и лакированные сапоги. — «Ставлю всю свою эту амуницию за 50 рублей». — Курилов согласился и отыграл у генерала его амуницию. Отдал ему свою рваную шинель и сапоги, надел на себя полную генеральскую амуницию — и в самом деле стал похож на генерала.

Проигравшийся генерал-лейтенант спит мертвецким сном (после выпитого коньяку), а у Курилова и хмель прошел от привалившего счастья. Призвал первым делом своего нового кучера: — «Как тебя зовут?» — «Иван». — «Известно тебе, что я отыграл у твоего барина его лошадей и экипаж? Ты теперь должен меня слушать во всем так же, как своего прежнего барина!» «Слушаю, Ваше Высокопревосходительство!» — «Так вот, завтра в 5 часов утра подай мне лошадей и поедем в Рязанскую губернию!»

Курилов начал еще раз пересчитывать свои деньги. Ночь скоро прошла, и кучер подал лошадей. Проигравшийся генерал-лейтенант все еще спит. Взял Курилов десятирублевую бумажку, засунул ему за голенище: «Пускай, дескать, хоть за номер расплатится!» — Сел в коляску и уехал.

Приезжает он в город Николаевск. Въехали в город. Генерал Курилов подзывает к себе пальцем первого попавшегося городского. Тот на цыпочках бежит. — «Где здесь самонаилучшие номера?» — «А вот там на пригорке держит самонаилучшие номера граф». — «Кучер, поезжай туда!»

А граф в это время сидел со своею единственною дочерью (он был вдовец), красавицею Катей, на террасе, и пили чай. Дочь и говорит графу: «Папаша, смотри! какой-то молодой офицер едет — наверно, к нам!» — Граф взял бинокль, посмотрел: «Молодой-то молодой, да еще и генерал!» — У Курилова генеральская шинель была накинута на плечи, и красная подкладка виднелась. — «Вот бы с жених-от?» — подумала про себя графская дочь: лет было ей уже немало, а хорошие женихи все не приезжали.

Курилов въезжает прямо во двор графского дома. Выбегает швейцар. — «Есть свободные номера?» — «Точно так, Ваше Высокопревосходительство!» — «Сколько стоят?» — «С конями 10 рублей в сутки». — «Хорошо!»

Курилов остановился в графских номерах. Графская дочь идет к нему в номер и спрашивает: кто он и откуда? (чтобы записать на меловой доске). — «Я генерал-лейтенант из Сан-города-Петербурга, Василий Иванович

Курилов! Еду в кратковременный отпуск к себе на родину. Папаша и мамаша у меня при смерти, а дома — пятнадцать домов и пятнадцать магазинов: приказчики и доверенные разворуют», — «А с чем магазины?» — «С золотыми и серебряными вещами».

«А вы кто будете — замужняя или девочка?» — «Я еще барышня». — «Что же замуж нейдёте?» (Курилов к тонкому обращению не привык.) — «Да женихов по мысли нет. Сватался студент да подпоручик, не захотелось идти за них». — «А я вам ндравлюсь?» Графская дочь покраснела и ничего не сказала, — «Ну, если ндравлюсь, так выходите за меня замуж: предлагаю вам свою руку на бракосочинение». — «Я должна сначала переговорить с папашей». Идет к графу и рассказывает ему: «15 домов и 15 магазинов!.. просит руки»... — «Благородное дело! — говорит граф, — если хочешь, иди замуж, воли с тебя не снимаю». — Графская дочь идет опять в номер к Курилову и подает ему, в знак своего согласия на брак, руку.

Скоро молодые перевенчались. Живет Курилов у графам молодой женой месяц, другой и третий. Скучно ему стало по деревне. — «Так и так, — говорит он своей жене, — 15 моих домов и 15 моих магазинов приказчики и доверенные, пожалуй, разворуют; надо мне ехать на родину, а тебя я боюсь брать с собою: дороги, может быть, плохи. Приеду станцию — две и пошлю тебе депешу: ехать или не ехать». — Графская дочь советуется с отцом: «Вася едет домой; мне хочет прислать депешу с первой или со второй станции: хороши ли дороги». — «Благородное дело! — говорит граф, — пусть едет!»

Приехал Василий Иванович в Рязанскую губернию, но еще не в Спасский уезд. Остановился кормить лошадей. Дело было в селе; номеров там нет и пришлось остановиться в корчме. А в корчму незадолго перед тем прибыл военный писарёк из заштатных — пробирался в Петербург искать писарской вакансии. Слово за словом, разговорился Курилов с писарьком; и задумали они играть в карты на деньги. Плохо пришлось Курилову; отыграл у него писарь и все деньги (20 тысяч), и лошадей с экипажем, и генеральскую одёжу. Отдал ему, из сожаления, писарь свой верхний плащ, чтобы было в чем идти домой.

Прежде, чем идти, Курилов попросил хозяина корчмы написать ему письмо к жене. Тот согласился. В письме Курилов писал, что он проиграл все свои деньги, лошадей и одёжу писарю; сознался, что он обманул невесту: назвался генералом. «Если, — говорит — хотите знать, кто я, то посмотрите в спальне нашей под периной». — А там оставил Курилов свой находный

купеческий портмоне́т и грязный солдатский мешок с сухарями — графская дочь не заметила еще того.

Отдал это письмо Курилов своему бывшему кучеру Ивану: «Отдай, — говорит, — его графской дочери, а писаря непременно завези к графу в номера переночевать!» — Кучер все так и сделал.

Пьет граф с дочерью чай на террасе. Дочь и говорит: «Смотри, папаша: Вася едет!» — Граф взял бинокль, смотрит: лошади Васины, а в коляске сидит не он.

Между тем Иван привез писаря на двор к графу, и тот остановился в номере.

Прочитала графская дочь письмо, пошла скорее в спальню; нашла портмоне́т, прочитала свидетельство Курилова и горько заплакала: «Что я наделала? Вышла за молодого солдата!» — Идет к отцу-графу. — «Ну, что пишет Вася?» — «Зовет меня ехать; он остановился на второй станции; а этого человека Иван довез к нам по пути... Отпускаешь ли меня, папаша, к мужу?» — «Благородное дело!» — говорит граф. Открыл кассу: «Возьми, — говорит, — сколько тебе надо на поездку денег и поезжай!» — Та взяла денег, а сама думает: «Надо как-нибудь изворотиться, выручить мужа!»

Идет в номер к писарю и предлагает ему играть в карты. Тот согласился. Счастье привезло графской дочери: отыграла она у писаря все то, что он выиграл у Курилова, взяла у него генеральскую оде́жу и выгнала из номера. Села в коляску и поехала с Иваном в Рязанскую губернию, в деревню Окомёловку, разыскивать своего Васю.

А Курилов пешком пришел в свою родную деревню и молотит там хлеб с отцом.

Приехала графская дочь в Окомёловку. На краю деревни стоит трактир. Широкобородый здоровый парень-трактирщик стоит в красной рубахе на крыльце трактира, ухмыляется. — «Где здесь живет Василий Иванович Курилов?» — «Василия Ивановича я не знаю, а Васька Курилов есть, недавно со службы пришел. Вон его хата с краю — давно бы надо сломать на дрова, а то в ветреную погоду может кого-нибудь задавить».

Подъезжает к избушке Курилова. В избе сидит одна старуха (мать Василия Иваныча). — «Здесь живет Василий Иванович?» — «Здесь». — «А где он?» — «На гумне с отцом молотит». — «Как бы его нам увидеть?» — «Давайте я вас

провожу». — «Нет, — говорит графская дочь, — покажите лишь мне дорогу, а я найду сама!» — Та показала тропу.

Пошла графская дочь по тропке, приходит на гумно. Там молотят два мужика. Графская дочь с трудом узнала Васю: босые ноги грязны, штаны засучены до колен, рукава рубахи — до локтей; сам весь грязный, одёжа рваная; волосы у него подросли, и отец подравнил ему их — заступами — топором на полене.

«Здравствуй, Вася!» — говорит графская дочь. — «Здравствуй, женушка!» — Отец Курилова испугался: «Приехала, — говорит, — царская дочь, а он ее зовет женой». — «Я, — говорит, — за тобой приехала: пойдём со мной!» — Пошли. Обезумевший отец-старик смотрит им в след и не надивится.

А графская дочь спрашивает: «Есть ли у вас в деревне баня и цирюльник?» — «Баня есть у попа, а за цирюльника ответит солдат Мохов». — «На вот тебе рубль — остригись у солдата да сходи вымойся в баню, а потом поедём к нам домой». — Курилов остригся и вымылся кое-как в бане, а графская дочь велела кучеру подать лошадей к бане. Одеда его опять в генеральскую одёжу и привезла к себе домой.

«Ну, как съездила? Что выездили?» — встречает ее граф. — «А 15 домов и магазинов Вася продал». — «А деньги куды?» — «А деньги в банк положил». — «Благородное дело!» — отвечает граф.

Живёт опять Курилов у графа месяц, живёт другой. Приходит срок воротиться ему на службу в Петербург, говорит он о том жене. Та графу: «Так и так, приходит тебе срок ехать в Петербург на службу». — «Да, — говорит граф, — надо торопиться, а то может выговор от командующего войсками получить. Возьми, сколько надо денег!» — Графская дочь взяла денег и поехала в Петербург. Приехали в Петербург. Взяла графская дочь самонаилучший номер, за 25 рублей в сутки. Остановились.

Идет Курилов на толчок, купил себе старую шинель, сапоги казенные, фуражку; приходит на другой день в роту. — «Васька Курилов приехал! Васька Курилов приехал!» — кричат солдаты. — А у Васьки Курилова на руке три золотых кольца. — «Украл, видно?» — «Какое украл! Женился, братцы, на графской дочери». Смеются солдаты: «Где тебе на графской дочери жениться?»

Взводный кричит: «Васька Курилов! Принеси из цейхгауза винтовку, вычисти: она вся заржавела, а скоро будет государев смотр!» — Принес

Курилов винтовку, а чистить ее ему неохота. — «Братцы! Кто вычистит за рубль мою винтовку?» — «Какой у тебя рубль! У тебя и копейки-то нет!» — смеются солдаты. — Курилов вынимает из кармана пять рублей. — «Кто вдвоем вычистит мою винтовку за пять рублей?» — Все напереерыв кричат: «Я! Я! Я!» — Взял двоих, отдал им винтовку: «Вычистите и принесите завтра в такие-то номера!» — А сам ушел домой.

На другой день несут два солдатика ему винтовку в номер; входят, а у двери висит генеральская шинель на красной подкладке: Курилов, как приехал в Петербург, тут ее оставил. Испугались солдатика, драло домой. Курилов вышел на стук; «Эй, братцы!» — А те давай Бог ноги, и винтовку его бросили на дороге.

На другой день Курилов явился в новой солдатской амуниции на государев смотр. Стали в ряды. Большого начальства еще не было, одни поручики. Приезжает графская дочь в коляске на тройке на Марсово поле; подходит к офицерам: «Можно ли мне, — спрашивает, — пройтись по фронту?» — «Для чего?» — «У меня муж в строю». — «Пока большого начальства нет, можно».

Пошла графская дочь по фронту. Курилов говорит своему соседу-солдатику: «Это моя жена!» — Тот толкнул его в бок: «Что ты, дурак? Какая тебе жена? Это генеральская дочь!» — А графская дочь идет мимо Курилова и усмехнулась. Курилов на это заржал (громко засмеялся). Все солдаты удивились: «Что-нибудь да между ними есть!» — Приезжают ротные командиры. Поручики просят графскую дочь: «Сейчас приедет командующий; отойдите, пожалуйста, к своей коляске: он у нас человек строгий!» — Та отходит.

Приезжает командующий войсками Петербургского округа; подходит к офицерам, говорит им: «Замечаю я, господа, что на смотрах около вас все увиваются какие-то б...ищи; впредь чтоб этого не было!» — Графская дочь услышала это, подходит к командующему и говорит ему: «Какое вы имеете право оскорблять меня?» — «А вы кто такая?» — «А вы кто такой?» — «Я командующий войсками Петербургского округа!»

Графская дочь поехала к государю во дворец. (А граф был родня государю императору.) Приезжает: государю уже поданы лошади. Встречает графская дочь его на лестнице (он едет на смотр), падает ему в ноги: «Прости, отец!» — «В чем ты виновата, дочь моя?» — «Я вышла замуж за рядового». — «Благородное дело, дочь моя! Я сам ходил рядовым, а теперь управляю престолом». — «Оскорбил меня публично площадными словами

командующий войсками».

«Послать за ним тюремную повозку: пусть привезут его сюда в тюремной повозке!» — Привезли. — «На 22 в ряды!»

«А кто твой муж?» — «Василий Иванович Курилов». — «Послать за ним моих лошадей!» — Привезли. — «Это ты тот солдатик, который просился у меня на год на поправку и обещал привезти мне смех и горе?» — «Точно так, Ваше Императорское Величество!» «Ну, хорошо, хорошо! Привез ты мне радость: племянница моя вышла за рядового, — и горе: командующего войсками разжаловал в рядовые. Жалую тебя чинами и орденами. Завтра сделай смотр моим войскам, вместо меня!»

И сделал его командующим войсками Петербургского округа.

(Зап. Зелениным от А. П. Цыплатникова)

Эта сказка (единственная из моих записей в настоящем сборнике) печатается по записи, сделанной не под диктовку рассказчика, а по памяти.

Великорусские сказки Пермской губернии. Сборник Д. К. Зеленина. Москва. Изд. "Правда", 1991.